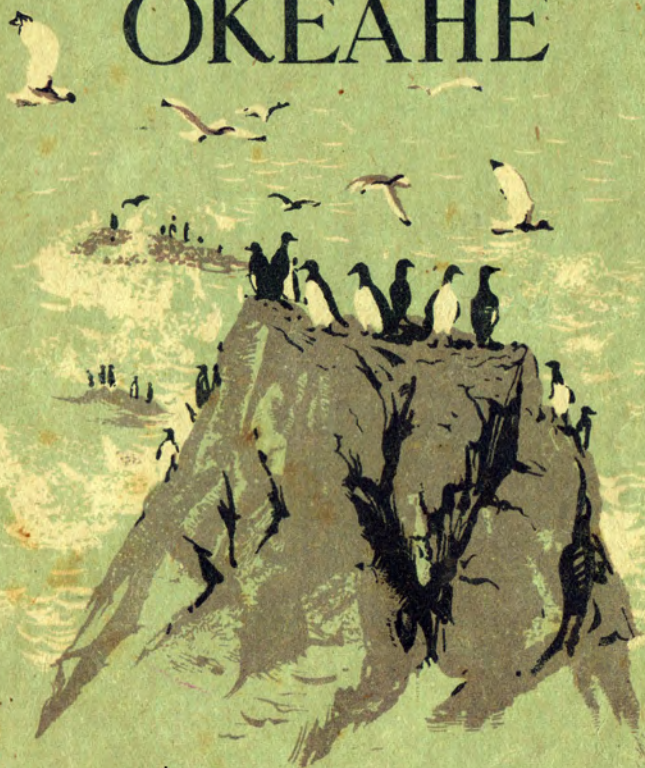

В . У С П Е Н С К И Й

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

ДЕТИЗДАТ • ЦК ВЛКСМ
1940

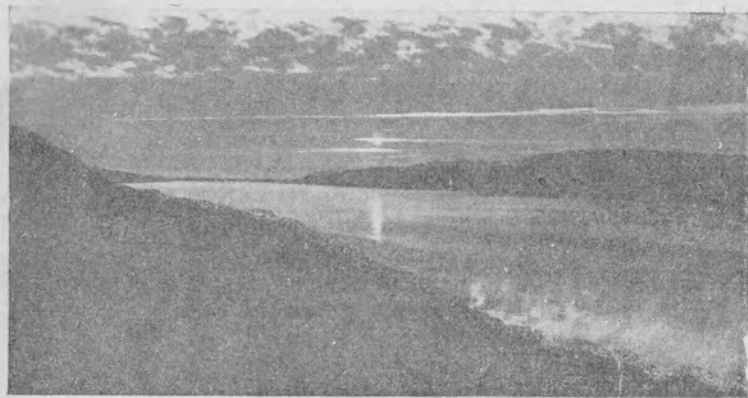
ВЯЧЕСЛАВ УСПЕНСКИЙ

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

ФОТО АВТОРА

Дорогому маме в гости
дядя Вячеслав
дочка (от дяди Слава!)
Дядя Слава.
7/хл 40 1.

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

«.. Крутоберегие неприступные острова в океане, в двух милях от матерой земли...
...Тут и шлюпки с трудом могут приставать по причине каменистого дна и всегдашней зыби...»

(Из старой лоции)

Острова, о которых я хочу рассказать, находятся далеко на севере, за Полярным кругом, около незамерзающего Мурманского побережья.

Острова угрюмы и неприветливы. Высоки и отвесны их гранитные берега. Большие и малые расселины, точно морщины, избородили каменные стены.

Кругом — беспокойный, всегда изменчивый Северный Ледовитый океан. Он обнажает в отлив крутые, заросшие скользкими морскими водорослями основания скал и покрывает их в прилив. Часто он волнуется, и тогда прибой подбрасывает, словно мячи, круглые, окатанные камни береговых отмелей.

Здесь много ветров. Они дуют со всех сторон света. Жители побережья называют их: «полуночник», «полуденник», «сивер»...

В долгую полярную ночь острова пустынно и неприветливы, только зеленые сполохи иногда освещают камни и снег.

В январе появляется солнце и быстро прибывает день. Скоро косяки морской рыбы подойдут к берегу. Вместе с солнцем и рыбой появятся птицы.

Откуда они, эти морские гости?

Часть зимовала здесь, в незамерзающих водах Мурмана, кайры и чистики плывут с запада и севера — может быть,

от кромки полярных льдов, чайки летят с побережий Атлантики.

Сотни и тысячи птиц мелькают в воздухе, стаями качаются на воде, с шумом и дракой занимают свои гнездовья на скалах.

Под незаходящим солнцем полярного дня ни на минуту не стихает разноголосый птичий гам. Коротко полярное лето: птицы торопятся устроить гнездо, отложить яйца, вывести птенцов.

Не успеет растаять снег в расщелинах, а уже появляются первые цветы. Белые, желтые, лиловые. Некоторые из них робко таятся между камней, другие буйной порослью покрывают верхи скал. Трудно издали понять, стая ли это чаек на берегу, или белые цветы ромашки.

Попрежнему дуют ветры. Даже в штиты, когда под солнцем океан сверкает, словно серебряная броня, чудятся признаки штормов. Поэтому старый, опытный кормчий рыбацкой ёлы всегда зорко всматривается в горизонт.

Часто колеблющаяся пелена тумана плотно укутывает скалы и море. Целыми днями ревет тогда сирена на маяке, и, заслышав ее, суда забирают дальше от берега.

Август. Кончается полярный день. Солнце «кунается в море». Птицы вырастили птенцов и покидают острова.

И снова пусто. Ветер обрывает лепестки последних цветов, треплет покинутые гнезда. Снова зима. Полярная ночь. Сполохи. Шумное дыхание океана у гранитного берега.

И так каждый год.

Меня разбудил капитан. Очевидно, он передал штурвал вахтенному и спустился вниз выпить стакан горячего чая.

Полуоткрыв глаза, я наблюдал за ним. Снаружи глухо ударяли волны. Все предметы в салоне двигались, только висячая лампа да графин в специальном гнезде сохраняли вертикальное положение.

Значит, мы вышли в открытое море.

Капитан не спеша напился чаю, накинул полушубок и полез наверх. Одевшись, я вслед за ним поднялся по трапу.

Холодный и влажный, напитанный брызгами и дождем ветер ударил в лицо. Океанские валы, темные и взлохмаченные, возникали и обрушивались. В туманной дали намечался берег и силуэты каких-то судов. Волны заплескивали в шпигаты¹, и пена струилась по палубе.

¹ Шпигаты — отверстия в фальшборте для стока воды с палубы.

Балансируя и скользя по мокрой палубе, я пробрался в рубку.

— Вот в такую погоду, — сказал капитан, — подойдет бот отстаиваться к острову. Команде делать нечего, высадутся на берег и оберут все яйца и пух.

Это было продолжением вчерашнего разговора, начатого еще в Мурманске. И я невольно вспомнил весь хлопотливый день отъезда.

Мурманск — город моряков. Почти на каждой фуражке — на фоне золотого «краба» или пестрый эмалевый флажок гражданских морских организаций, или звезды и якоря военного флота.

Вчера мы, я и мой товарищ Юра Кафтановский, готовы были останавливать каждого встречного моряка и спрашивать, не знает ли он, как выбраться на восток. Рейсовый пароход шел лишь через семь дней, а мы не могли ждать.

Побывав и в восьмиэтажных небоскребах на проспекте Сталина и в маленьких деревянных домиках на улице Полярных Зорь, мы наконец попали на шестнадцатый причал широкой пристани Тралфлота.

Тут стоит мелкая посуда: двухмачтовые и одно-мачтовые, большие и малые рыболовные боты. Перелезая с одной палубы на другую, мы разыскали нужное нам судно.

— Я здесь капитан. Иду в Восточную Лицу, — сказал коренастый человек в синем кителе.

После в салоне, за стаканом чая, завязался разговор.

Пришлось кратко рассказать о себе. Мы — научные сотрудники нового орнитологического¹ заповедника, организуемого на Семи Островах восточного Мурмана. Торопимся на наши острова, чтобы организовать там охрану птиц и начать научную работу.

Капитан слушал, щурил серые лукавые глаза, делал короткие замечания, сам рассказывал. Это был местный, знающий человек.

— Базары — на Харлове, — говорил он, — на северном берегу, на высоких пахтах. Непривычному человеку страшно вниз заглянуть, ну, а местный народ лазает там с малых лет. Промысел опасный, что и говорить! Бывает, из-за яйца человек убивается насмерть. Промышляют больше всего яйцами кайр. Яйцо крупное, как два куриных. Когда сварить его вкрутую, белок хоть и твердый, но совсем

¹ Орнитология — наука о птицах.

Кайры на гнездах.

прозрачный. Кладет кайра свое яйцо в начале июня, так одно и насиживает. Если это яйцо взять, она еще отложит, если взять другое — бывает, и третье отложит, но это не всегда. Птицы много, не переводится. Каждую весну прилетает тучами.

— Да вот в Исландии тоже водилась птица гейрфугл, — говорю я, — вроде кайры, но гораздо крупнее и с маленькими крыльями. Она не летала, а только плавала. Так вот всех этих гейрфуглов и перебили еще в начале девятнадцатого ве-

ка, а тоже были целые тучи. И кайр постигнет та же участь. На птичьих базарах промышлять можно, да дело нужно организовать как следует, чтобы люди не разбивались, чтобы птица не убывала. А базары не только яйца могут давать. Вот, например, алеуты, — они живут на Командорских островах, около Камчатки, — шьют из шкурок кайр очень теплые и легкие шубы. Это один из лучших сортов «птичьего меха».

— Ну, этого мы не знаем, — сказал капитан, — а вот из гагачьего пуха, если его спрясть вместе с шерстью, замечательные теплые вещи получаются. Шарфы и фуфайки. Любой мороз нипочем.

— На островах много пуху собирают?

— Теперь мало. Гаги очень мало осталось, хотя и не стреляют ее теперь. Видно, переводится сама.

— Не переводится, а переводят. Кто на остров ни попадет, все тащат, что только можно.

— Ну, конечно, — согласился капитан: — ты не возмешь — другой возьмет, так каждый думает. Вот бывал я в Норвегии. Там гагу, действительно, берегут. В каком-нибудь лодочном сарае гнездится по несколько десятков птиц. Рассказывают, что гага свила гнездо в печной трубе, так хозяева целый месяц не топили печь. Да и гага там другая, ручная, пух берут прямо из-под нее.

— Гага всюду одинаковая. Если ее преследовать — она дикая, если охранять — быстро ручнеет. Каждый колхоз на

Мурмане может устроить гагачье хозяйство. Дело доходное. Килограмм пуху стоит несколько сот рублей, и государству большая польза. Заповедник наш для того и создан, чтобы все это изучить и организовать по-научному.

— Да где же вам двоим семь островов окараулить?

Капитан, как видно, не особенно полагался на местных жителей. Он посмеивался над нами. Мы тоже улыбались: «Посмотрим!»

...Бот продолжает нырять, раскалывая встречные валы. Туман у берега редет. Я вижу темные гранитные скалы и белые полосы снега. С другой стороны вырисовывается силуэт крупного бота. «Вожак» — разбираю я полустертую надпись на зеленом борту. Несмотря на сильную волну, команда бота работает. Несколько человек на корме тянут через большой деревянный вал сеть; ветер топорщит их коричневые роканы и комкает зюйд-вестки¹ на головах.

Охваченный новыми впечатлениями, я жадно рассматриваю встречное судно, темные его мачты, блестящую в ячеях сети рыбу.

Судно остается позади, и снова тускло-блестящие скалы валов и намечающийся в тумане сумрачный берег.

На другой день туман исчез, но океан еще волновался, зеленые волны сверкали на солнце.

Юра, оправившись после приступа морской болезни, — рядом со мной на палубе бота. Мы жадно рассматриваем в бинокль остров Харлов — гранитную глыбу, медленно вырастающую на горизонте.

Издали остров кажется диким и безжизненным. Отвесные скалы и черные глубокие трещины между ними напоминают развалины какого-то древнего замка.

На куполе острова — усеченная пирамида маяка.

Юра здесь второй раз. В прошлом году он — студент-биолог Московского университета — приехал сюда на производственную практику. Юра имел задание обследовать птичьи базары и посвятил свое внимание кайрам — наиболее многочисленным и интересным их обитателям.

В этом году Юра кончал университет. Осенью предстояли трудные выпускные экзамены. Но, когда он узнал об организации нового заповедника и получил приглашение поехать сюда на пол-года, на самый трудный организационный период, Юра с радостью согласился.

¹ Рокан и зюйд-вестка — куртка и шляпа, части непромокаемого морского костюма.

Бот вошел в «салму» — пролив между островом и материком. Спустили шлюпку. Мы прощаемся с капитаном.

Долгожданный миг высадки. Шлюпка ткнулась в береговые камни. Тучи серебристых чаек салютуют нам хриплыми криками. Сотенные стаи гаг, крупных, упитанных птиц — красивых самцов и скромных пестрых самок, — медленно отплывают вдоль берега.

Закидывая голову, я смотрю вверх на гладкие каменные обрывы, влажные и блестящие, на снег в расщелинах, на обтаявшие ярко-зеленые дерновины вороники¹.

Так вот где предстоит работать!

С берега по крутой деревянной лестнице мы поднялись на купол острова.

Здесь стояло несколько строений маяка, и среди них — маленькая баня.

— «Отель в две комнаты» — здесь будем пока жить, — объявил Юра, указывая на баню.

— Птичники приехали! — встретили нас служители маяка.

Они уже слышали об организации заповедника и относились к нам несколько настороженно. Еще бы! Много лет остров являлся для них естественным «куратником».

За чаем мы выяснили все местные новости. Все птицы прилетели. У крупных серебристых и морских чаек началась кладка.

На острове Вишняке паслись олени ближайшего становища — Харловки. Жители становища и слышать не хотели об их удалении с острова. На острове стадо не нуждалось в пастухе.

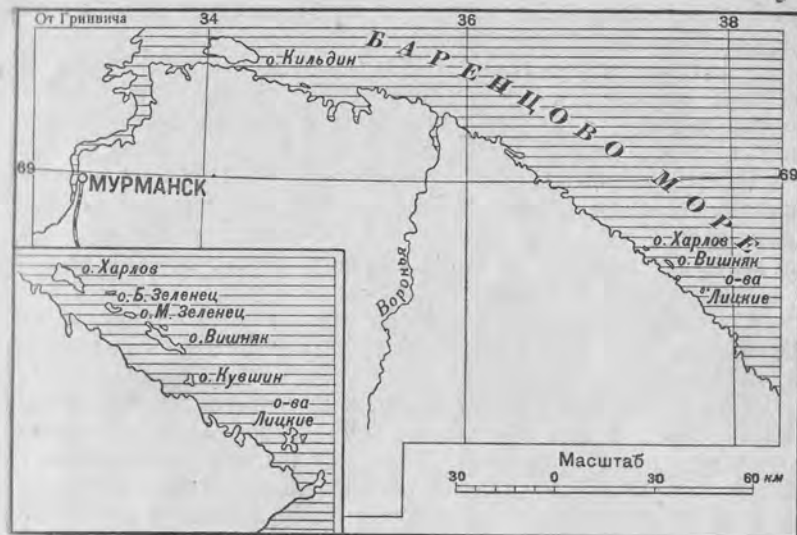
О том, что олени разоряют гагачьи гнезда, они, конечно, не думали.

Остров Харлов — самый большой из всей Семиостровской группы. Он достигает трех с половиной километров в длину и полутора километров в ширину.

С купола острова хорошо видны его долины и возвышенности. Далеко внизу, под обрывом, лежит наполовину покрытое нарастающим льдом большое озеро. Весь склон обрыва еще под снегом.

С севера к крутому берегу острова подступает равнина океана, на юге, за проливом, поднимаются красноватые скалы материка.

На востоке, разворачиваясь друг за другом, точно кора-

бли, следующие в кильватере за своим флагманом, протянулись все остальные острова группы.

Вот низкие округлые Зеленецы — Большой и Малый. Снег на них обтаял, ярко зеленеет свежий покров вороники. Дальше высится скалистый, обрывистый Вишняк, и рядом с ним вырастает из моря темная одинокая гора острова Кувшин. Совсем далеко лиловой полоской в океане лежат два Лицкие острова — Большой и Малый.

Утром долго не хотелось вылезать из теплого спального мешка. Мы лежали на полках в холодной, нетопленной бане. Термометр показывал три градуса выше нуля. Мы слушали свист ветра за стенами, а когда он несколько ослабевал — чугунные удары прибоя, сотрясавшего основание острова.

Наконец все-таки вылезли и быстро оделись.

Погода нас балует. Опять солнечный, хотя и холодный день. Еще очень рано. После завтрака, спускаясь на каблучках по снежному склону к озеру, мы отправляемся обследовать остров.

У озера, под защитой обрыва, сразу тихо и тепло. Ветер остался где-то наверху.

— Послушаем, — говорит Юра.

Мы замедляем шаги и вслушиваемся в птичий голос. Вот простая и звучная песенка пуночки, вот музыкаль-

¹ Вороника — северный ягодный кустарник.

ный свист пеночки веснички, а вот и неожиданное здесь цоканье дрозда белобровика.

— Интересно, — говорит Юра, — что все эти пуночки, коньки, пеночки строят здесь свои гнезда как можно более укрыто, в расщелинах почвы и камней. Это спасает их от прожорливости хищных чаек.

Идем дальше. Снова порывы ветра. Они заглушают скромные трели пернатой мелкоты и приносят пронзительные голоса сизых чаек, мяукающие крики поморников и перекрывающий все истошный вопль краснозобых гагар:

«Аа-увааа!.. Аа-увааа!..»

От озера Юра идет на север, я — на юг. Меня привлекает морской берег: может быть, у гаги началась кладка, и я найду первые гнезда.

Спустившись к самому морю, я иду по галечной отмели. Здесь тихо, скалы защищают от ветра. Под утренним солнцем, выглядывающим из-за облаков, море искрится и сверкает. Там, в этой ослепительной, точно расплавленной массе воды, возникают и тают глухие воркующие звуки, брачные крики самцов гаги:

«Агуууу... Агууууу...»

Щурясь от солнца, я шагаю по берегу. Отлив. Море отступило, обнажив бурые заросли фукусов, панцири морских ежей, расклеванных чайками, большую медузу, разбитую в комок слизи, дохлого губастого пинагора — рыбу с присоской на груди.

После галечной отмели снова подъем. Небольшие каменные обрывы, над ними поросшие вороникой терраски.

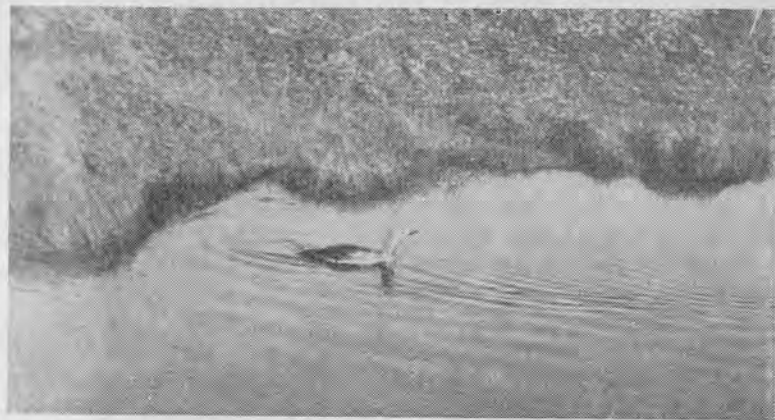
Гнезд гаги я не нашел, но зато обнаружил несколько гнезд серебристых чаек с крупными пестрыми яйцами.

«А-ав-ав-ав...» беспокойно кричали над головой чайки.

В одном месте встретился след «яичников»: в луже пресной воды плавало десятка два расколотых скорлуп. Вероятно, здесь пили сырые яйца.

Около гнезд валялись клешни крабов, кости трески, масса погадок — непереваренных и оторванных остатков пищи. Большинство погадок состоит из раковин мидии; в некоторых я разыскал остатки перезимовавших ягод, вороники и пестрые скорлупы яиц. Чайки не прочь стянуть яйца друг у друга.

Одна погадка, состоящая из костей и позвонков, меня особенно заинтересовала. Сначала я не поверил своим глазам. Но никакого сомнения нет: это кости лягушки. Совершенно неожиданное открытие. Никто до этого не предполагал, что лягушки встречаются так далеко на севере.

Ветер приносит истошный вопль краснозобых гагар.

Я невольно представил себе сплошь уставленный за-спиртованными амфибиями и рептилиями кабинет знакомого герпетолога¹. Он авторитетно доказывал, что лягушки не могут существовать за Полярным кругом.

Что вы теперь скажете, уважаемый профессор?

Звук лопнувшей металлической пружины отвлек меня от этих мыслей. Большой ворон черный ворон кружился над скалами. Оказывается, он вместе с картавым «кру-кру-кру» может извлекать из горла и такие металлические тона. Тревожный полет птицы указывал, что где-то поблизости его гнездо.

После довольно продолжительных поисков гнездо было разыскано. Оно помещалось на уступе совершенно гладкой отвесной скалы. Четыре уже довольно крупных птенца, черных и молчаливых, сидели на краю лотка.

Неподалеку находилось место трапезы ворона, покрытое расклеванными черепами и костями чаек, кайр и чистиков, вероятно падали. Тут же я нашел черно-желтый кусок шкурки лемминга.

Обитающий в тундрах Кольского полуострова норвежский лемминг, или пеструшка, — небольшой (13—14 сантиметров длины), кургузый грызун — замечателен своими периодическими (через три-четыре года) массовыми размножениями и связанными с ними кочевками.

¹ Герпетология — наука, изучающая земноводных и пресмыкающихся.

Во время этих кочевок лемминг покидает родную тундру и устремляется во все стороны света через леса, реки и озера. Даже море его не останавливает. Часто зверьки, достигнув побережья, пускаются далее вплавь и, конечно, погибают. Осенью прошлого года как раз наблюдалось такое массовое размножение леммингов. Сейчас их очень много скопилось на берегу материка. На острове лемминги не водятся и могли попасть сюда лишь вплавь через пролив или в клюве птицы.

Впоследствии мы не раз находили погадки крупных чаек с остатками пеструшек.

Я закончил свою экскурсию, открыв и обследовав небольшую колонию бакланов на южном берегу. Их гнезда скрыты в расселинах громадных гранитных глыб. Меня привлекло раздававшееся откуда-то из-под камней негромкое хрюканье. Крупный баклан, тревожно вытягивая из расселины свою длинную шею, смотрел на меня зелеными глазами и раскрывал желтый клюв. Черное оперенье его отливало темнозеленым и синим блеском.

Наконец баклан не выдержал, покинул гнездо и присоединился к компании своих товарищей, расположившихся у самого берега моря на плоском камне.

Спускаться вниз пришлось на руках. Гнезда помещались в сырых и грязных трещинах. В каждом лежало по два и по три небольших грязных яйца, а в одном даже и птенец, черный, голый и беспомощный.

Вечером мы сидели в бане, кипятили в котелке гороховый суп и делились впечатлениями.

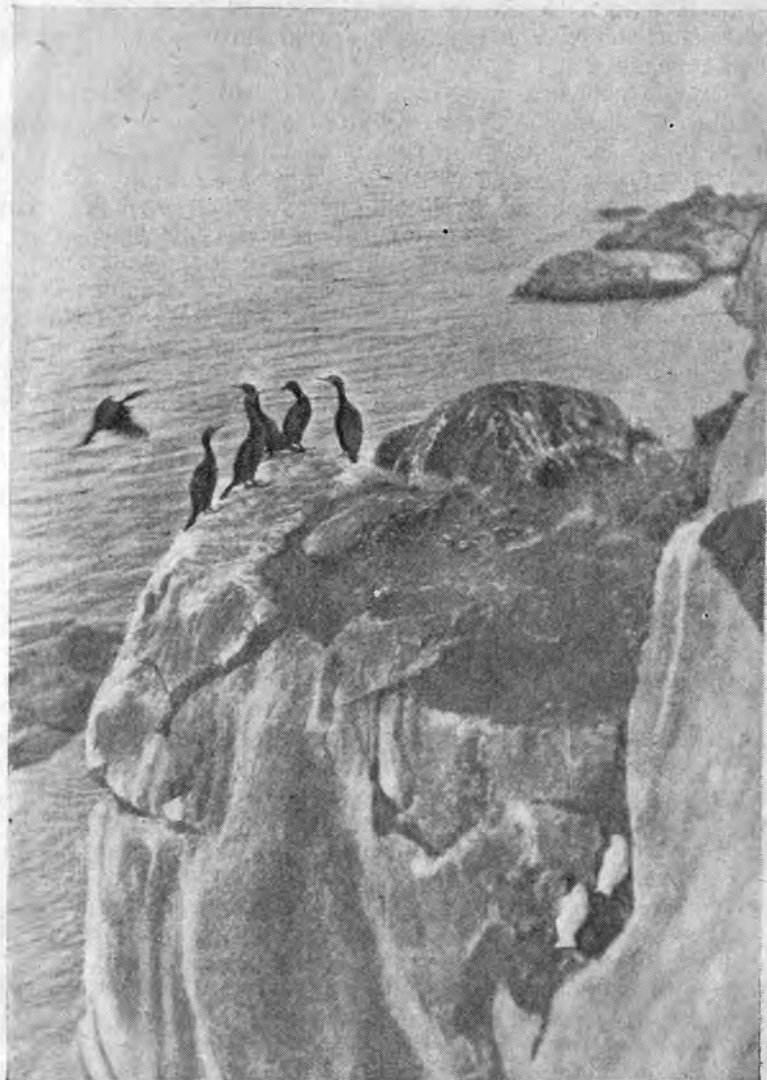
Юра облазил сегодня все базары северного берега. Кайры и моевки были в сборе, но кладки у них только начались.

Мы разговаривали о нашей работе. Основное в этом году — охрана и полный учет птиц. Как и когда его организовать? Ждать ли начала гнездования у всех птиц, или начать с подсчета стай? В какое время вести подсчет?

В самом деле, солнце светит круглые сутки. Когда птицы более подвижны? Когда они кормятся на море? Когда сидят на гнездах?

— Вот что, — предложил Юра: — давай завтра устроим первую суточную станцию на базарах.

Я согласился. Мы составили таблицу учета птиц на участках скал, на воде и в воздухе. Эти подсчеты надлежало проводить в течение суток через каждые десять минут. Суточная станция покажет, есть ли у базарных птиц ночь.

Я закончил свою экскурсию, открыв небольшую колонию бакланов.

На другой день Юра с утра отправился на наблюдательный пункт. Через двенадцать часов я нашел его в условленном месте, под огромной гранитной глыбой, с биноклем, тетрадкой и карандашом.

Трудно передать первое впечатление от того, что называется «птичьим базаром». Само это поморское название, применяемое к колониям гнездящихся на скалах птиц, весьма меткое. Характерный запах скопища живых существ — массы птиц, сидящих на уступах, крики, переходящие в рев, — все это дает повод к сравнению.

На Харлове базары занимают узкие, напоминающие в миниатюре норвежские фиорды, расселины северного берега. Это пятидесятиметровые каменные обрывы, то гладкие, точно отшлифованные, то выщербленные трещинами, нишами и карнизами. Красновато-коричневый гранит залит белыми и желтыми потеками птичьего помета. Снизу, у моря, камень покрыт изумрудным скользким налетом морских водорослей. Сверху он обрамлен пробивающейся из-под снега растительностью.

На этом пестром камне во всех местах, где только можно укрепиться, расположились тысячи птиц. Вот уступ, весь доотказа усеянный кайрами. Птицы лепятся на нем, тесно прижавшись друг к другу. Все они черные сверху, с белой грудью — точно одеты во фраки. На длинной шее — голова с прямым тонким клювом.

Кайры передвигаются, опираясь на всю цевку ноги, неуклюже и неуверенно. Чувствуется, что это обитатели открытых морских просторов, связанные с суши лишь в силу необходимости. Каждую весну инстинкт размножения неумолимо гонит их к неприступным морским берегам. На небольшом участке карниза, прямо на камне, без всякой подстилки, кайра откладывает свое единственное, испещренное черными иероглифами голубое яйцо.

Моевки — небольшие голубовато-серые сверху чайки — заняли нишу и расселины базара; там сидят они на своих плоских, слепленных из сухой травы и грязи гнездах.

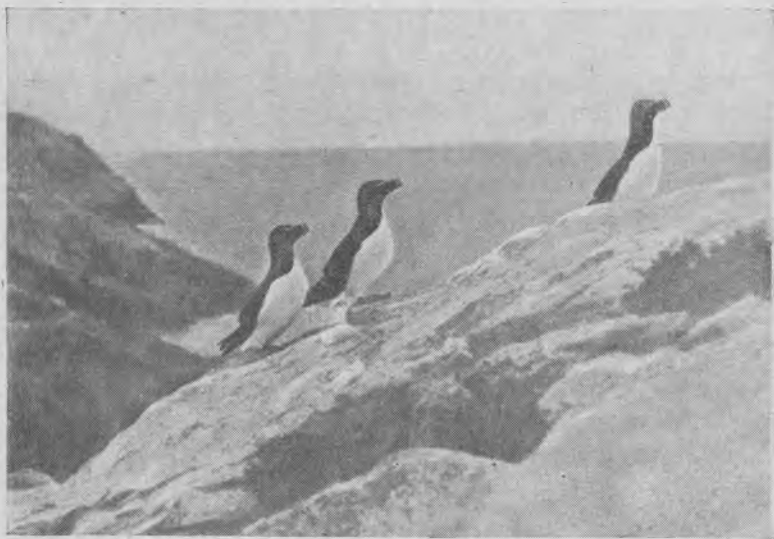
Пронзительный крик моевок: «Ке-ке-уэ!..» смешивается с раскатистыми хриплыми криками кайр: «Арр... хо-хо!..»

Внезапно новые звуки перекрывают этот разноголосый гам. Невидимая сверху, зажатая в расселине океанская волна врывается с грохотом и шумом, вдребезги разбивается и, всхлиывая, откатывается назад.

При внимательном наблюдении мы находим и других, менее заметных обитателей базара. Вот гнездящийся в

Птичий базар на острове Кувшин.

Гагарки.

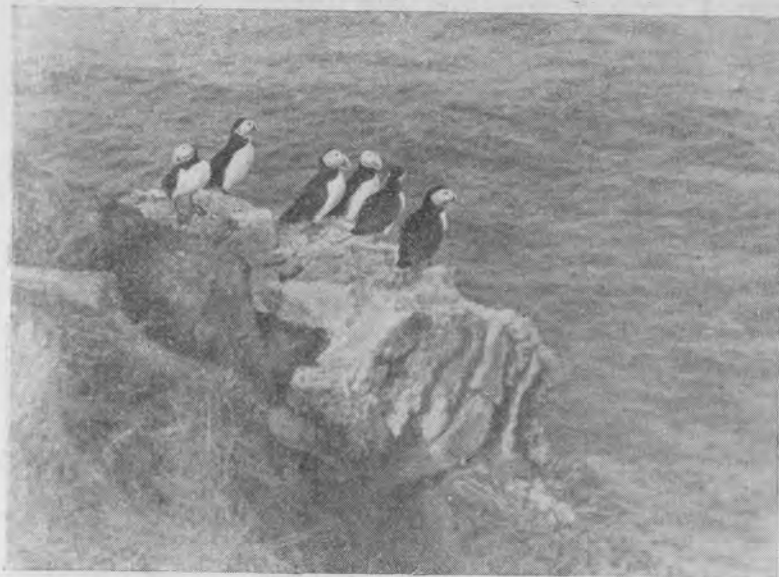
укромной расселине маленький чистик. Он весь черный, с белыми «зеркальцами» на крыльях, с перепончатыми лапами морковного цвета.

Так же уединенно гнездятся и гагарки, похожие на кайр, но с тупым носом и с белой «уздечкой» на клюве.

На «чердаке» базара, в торфяниковых норах, квартируют фантастические тупики. В темном «фраке» с белым брюшком, с громадным оранжевым клювом на круглой голове, тупики напоминают ярко раскрашенные деревянные игрушки. Еще выше, на самой кромке базара, важно восседают крупные серебристые чайки. Вид у них самый мирный, как будто они просто отдыхают, греясь на солнце. На самом деле чайки очень внимательно следят за тем, что делается внизу.

Вот и сейчас две моевки о чем-то повздорили. Долго они, не сходя с гнезд, клевали друг друга, наконец не выдержали, взвились в воздух и, сцепившись клювами, завертелись, как мельница. Серебристая чайка заметила яйцо в покинутом гнезде. Бесшумно слетела вниз и, схватив его, быстро поднялась на скалы. Там, где-нибудь в укромном уголке, она разобьет его и выпьет содержимое.

С появлением у кайр и моевок птенцов серебристая чайка будет охотиться и за ними.

На «чердаке» базара квартируют фантастические тупики.

Я прочел немало описаний базаров, просмотрел много фотографий, но теперь описания казались слабыми, а фотографии — серыми.

В промежутках между подсчетами я с интересом рассматривал всю эту новую, необычную картину.

Птицы не обращали на нас никакого внимания. Моевки, совершая сложные воздушные эволюции, вертелись в воздухе в двух-трех метрах от нас. Пролетали своим тяжелым прямолинейным полетом кайры. Часто махая короткими крылышками, они напоминали больших насекомых.

Юра сидел рядом со мной.

— Посмотри на этот большой карниз: здесь сплошь тонкоклювые кайры...

Я проследил за направлением его руки. Действительно, карниз был черен от покрывавших его кайр. Новая кайра подлетела к карнизу и тяжело упала в самую гущу. Ей не было места. Сидящие рядом птицы встретили ее ударами своих прямых клювов, а она, оседлав одну из них, жестоко отбивала эти удары. Мелькали клювы — казалось, птицы фехтуют.

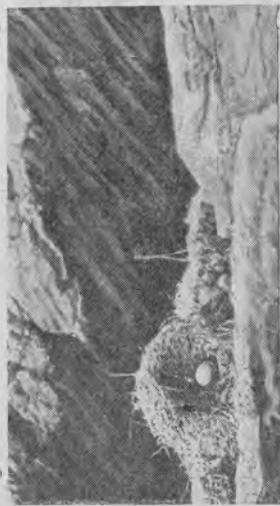
— А вон рядом, — кричал Юра, — смотри, очень узкий карниз! Тут только другой вид: толстоклювые.

Серебристые и морские чайки.

Карниз был действительно узок, и птицы сидели на нем, неудобно изогнувшись.

Талая вода капала на них сверху.

Гнездо моевки.

В прошлом году Юре удалось установить, что каждый из двух видов водящихся на Мурмане кайр — крупная тонкоклювая и мелкая толстоклювая — занимает различные гнездовые площадки: тонкоклювая крупными массами держится на больших, широких площадках, толстоклювая ютится по нескольку штук на малых и узких карнизах.

Когда хищная чайка похищает оставленное яйцо, кайры-соседки не обращают на это никакого внимания. Этим они отличаются от других, живущих колониями птиц, всей стаей нападающих на хищника. Для плохо передвигающихся по суше и плохо летающих кайр это едва ли и возможно.

Но на большие карнизы, с массой птиц, чайка не рискует нападать.

Толстоклювая кайра на малонаселенных карнизах находится в менее благоприятных условиях. Чайки безбоязненно грабят эти карнизы. Поэтому свое яйцо кайра покидает редко и неохотно.

Это про нее говорят промышленники: «Глупая птица, можно прямо руками брать».

Кайры прекрасно иллюстрируют дарвиновскую теорию происхождения видов. Когда-то был один вид этих птиц. Более крупные и сильные оттесняли мелких и слабых на небольшие карнизы. Тысячелетняя эволюция закрепила это расселение, и у обеих категорий птиц, сделавшихся затем отдельными видами, выработались различные инстинкты охраны яиц.

— Посмотри, вот тут был когда-то каменный карниз, — говорит Юра. — Теперь здесь почва и растительность. Кайры сами выселили себя с этого карниза.

— Каким образом?

— Яйца кайр, с толстой, очень пористой скорлупой, совершенно не выносят сырости. Может быть, поэтому кайры гнездятся только на голом камне. Вместе с тем, на покрытом пометом карнизе, если на него попадет земля, образуется прекрасная почва. Ветер заносит сюда семена растений, и в конце концов образуется небольшая дерновинка — кайры вынуждены покинуть карниз. Получается так, что кайры, удобряя землю, сами себя выживают. Смотри, — снова кричит Юра, — вон яйцо кайры! Какое оно продолговатое, вытянутое! Разве не сотни тысячелетий естественного отбора выработали такую целесообразную форму? При толчке яйцо, точно кубарь, вертится на одном месте.

После ухода Юры я продолжал подсчет. Подсчитать, сколько сидит птиц на карнизах, было довольно просто.

В заливе и на воздухе птицы все время двигались, и учитывать их приходилось не вполне точно, наглаз.

После каждого подсчета оставалось достаточно времени для других наблюдений.

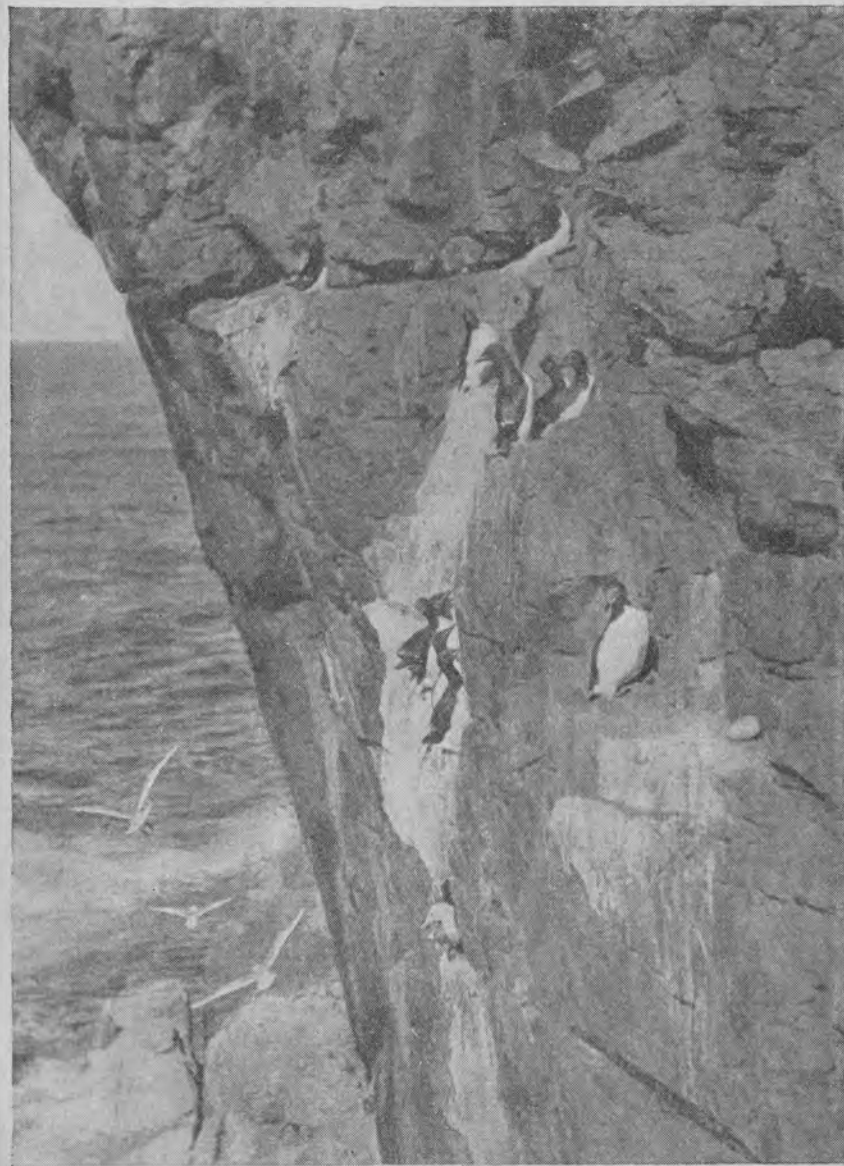
Пролетала тяжелым полетом кайра.

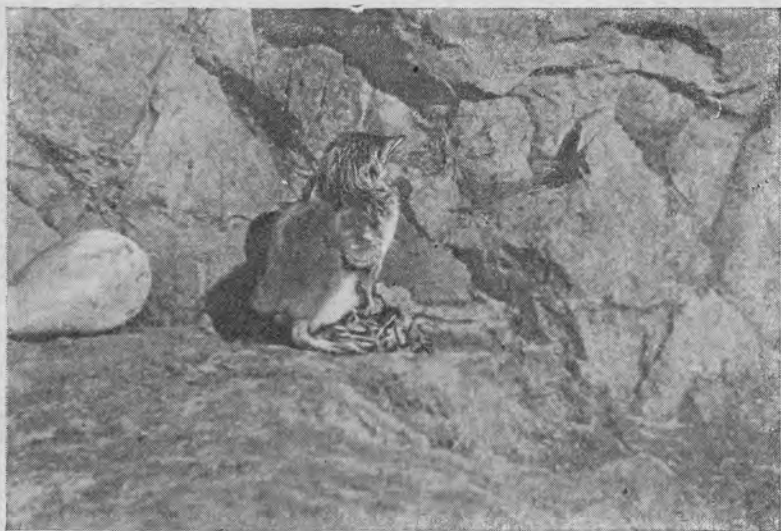
Карниз был усеян тонкоклювыми кайрами.

Вон кайра, насиживающая яйцо. У этих птиц насиживанием заняты и «мама» и «папа». Они чередуются. Пока один из родителей, присев и слегка растопырив крылья, согревает яйцо, другой заботится о своем пропитании.

Внизу, на море, вытянулась лентой большая стая кайр. Края ленты загибаются, образуя полукруг. Птицы то,

На узком карнизе сидели толстоклювые кайры.

Яйцо и птенец кайры.

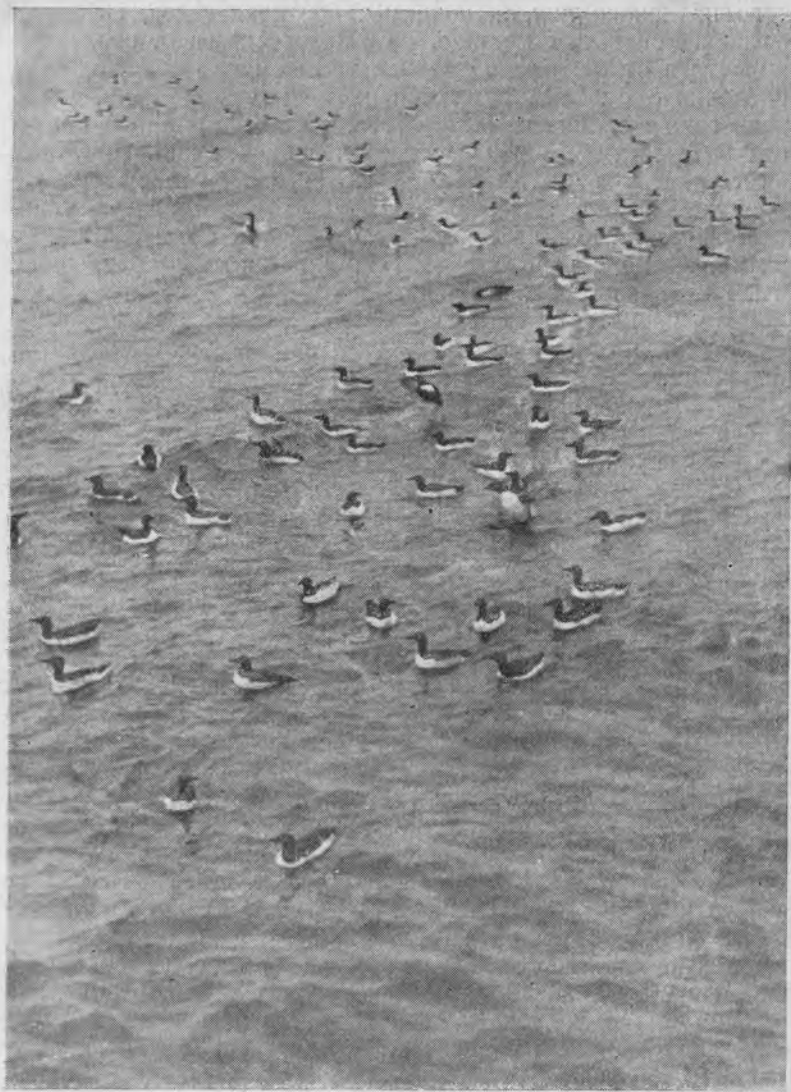
хлопая крыльями и крича, плывут вперед, то часто ныряют. Повидимому, это совместный лов рыбы.

Большое количество отдыхающих кайр сидит над морем на «клубах» — плоских гранитных глыбах. Некоторые держат в клюве рыбу, точно размышляя, съесть ли ее сейчас, или отложить. Другие нелепо и смешно сгибаются, точно кланяясь. Грубые, хриплые «Аррра!..» доносятся с «клуба».

Внезапно множество моевок покинули свои гнезда и тучей умчались к морю. Казалось, из расселины поднялось белое облако.

Причиной переполоха оказался мой знакомый ворон. Держа в клюве яйцо моевки, он поспешно летел над морем. Не выдержав погони, ворон устремился в глубь острова. Здесь моевки отстали, но зато налетели быстрокрылые поморники — ворон вторгся в их гнездовую зону. Несколько черных стремительных птиц моментально сбили ворона на землю. Оставив яйцо, кое-как отбиваясь клювом, поднимаясь на воздух и снова падая под ударами поморников, ворон позорно покинул поле сражения.

На другой день мы подвели итог «суточной станции». Оказалось, птичьи базары не знают ночи. Птицы отдыхают и кормятся в разные часы суток. Значит, учет можно производить также в любое время.

Внизу, на море, вытянулась лентой большая стая кайр.

Наконец приехал директор заповедника.

Он появился совершенно неожиданно среди бесконечного полярного дня, и, пока мы, протирая глаза, вылезали из своих спальных мешков, он уже рассказывал последние новости и отдавал распоряжения. Мы смутно воспринимали сведения о сметных суммах и статьях расходов, но, когда речь зашла о двухмачтовом боте, который можно приобрести в Териберке, сон с нас слетел окончательно. Проездом из Ленинграда на Харлов директор совершил массу всевозможных дел. Из Териберки он вез председателя райисполкома, чтобы оформить сдачу и прием островов. Попутно, прямо с парохода, во время остановки у Кильдина, была куплена первая шлюпка.

Это произошло так:

Какой-то старик на небольшой лодочке приблизился к пароходу.

— Эй, дедушка, — закричал директор, — у кого бы здесь купить шлюпку?

— А купи мою.

Сделка состоялась в несколько минут. Пароход уже выбирал якорь, когда матросы спустились в шлюпку, закрепили ее концами и вместе со стариком подняли на стреле.

— Я не продаю! — кричал не на шутку испуганный старичок.

Но было поздно. Он получил деньги и прыгнул в отходившую ёлу. Шлюпка оказалась легкая, ходкая. Назвали ее «Чистик».

Теперь директор сидел на банной полке, раскуривая трубку, шутил и смеялся. Деловитый и работоспособный, он помногу работал сам и заставлял работать других.

— Сейчас я прямо из Харловки. Весь вечер разговаривал с колхозниками, — рассказывал директор. — Сначала народ очень шумел: «Некуда нам девать оленей. Что хотите, то и делайте!» Я на них особенно не нажимал. Рассказал о том, что мы будем делать, рассказал о трудностях, просил помочь. И что ж вы думаете — вынесли резолюцию: поддержать заповедник; помочь, если нужно, транспортом и людьми; не допускать браконьеров. Оленей будут вывозить сегодня, через три часа... Ну, а теперь к делу, — продолжал директор.

Он достал бумагу, дал Юре:

— Пиши!

Так началось первое производственное совещание сотрудников заповедника.

Моевки.

— В этом году, — сказал директор, — нас мало. У нас нет базы для работы — дома, даже нет пока бота. Две задачи мы во что бы то ни стало должны выполнить: это, во-первых, охрана, во-вторых — полный учет фауны и попутно сбор материалов по биологии птиц. Если мы это сделаем, в будущем году мы сделаем в пять раз больше.

Теперь о ближайшем. Я достал оболочку аэростата; из нее мы соорудим временный дом. На берегу в ящиках — койки, посуда, примусы и т. д.

Итак, нужно построить палатку, поставить охрану на дальних островах. Начать учет птиц. Юра займется Харловом. На Вишняке мы посадим студента-практиканта Колова, он прибудет с ближайшим парходом.

Вам, — обратился директор ко мне, — предназначается самый дальний аванпост на востоке — Большой Лицкий остров. Там еще не ступала нога научного работника.

Сам директор, покончив с выселением оленей и приемом островов, собирался ехать в Териберку хлопотать о покупке бота.

О директоре заповедника Л. О. Белопольском стоит сказать несколько слов особо.

В студенческие годы Лев Осипович каждое лето проводил на Мурманской биологической станции. Больше всего его интересовали морские птицы.

Еще тогда, плавая на «Персее», Белопольский начал собирать материалы по теме «Чайки и промысловая рыба».

Старики-поморы говорили: «Чайка есть — рыба есть». Действительно, стаи чаек и глупышей всегда сопровождали косяки идущей к берегу сельди. Можно ли, увидев стаю птиц на море, сказать, что они всегда преследуют рыбу? Можно ли сказать, как велик косяк рыбы? Можно ли безбоязненно направить в этот район промысловые суда?

В то время ответить на эти вопросы не удалось.

Вскоре другие задачи увлекли Белопольского. По окончании университета он работал на Чукотке, изучал моржовый промысел. В 1932 и 1933 годах он участвовал в знаменитых экспедициях на «Сибирякове», «Челюскине» и был награжден двумя орденами.

Он увидел всю Советскую Арктику, ее моря и архипелаги, ледовые просторы, пустынные берега, на которых загорались огни первых зимовок. Это было начало планомерного освоения Великого Северного пути, начало социалистического наступления на пустыни Крайнего Севера.

Везде в Арктике молодой зоолог мог найти применение своим знаниям и способностям. Моржи и птицы одинаково привлекали Белопольского, и не сразу променял он Чукотку на Мурман. Морские птицы судили больше возможностей.

Базары Новой Земли давали ежегодно триста — триста

пятьдесят тысяч яиц кайр, их вывозили в Архангельск. Промысел этот вели хищнически. Часть базаров обирали сплошь, другие совершенно не трогали. Много яиц портилось. Промышляли, не думая о будущем.

С гагачьих гнезд на Новой Земле собирали ежегодно около тонны пуха. На Белом море и Мурмане этот промысел пришел в упадок. Народное хозяйство между тем очень нуждалось в гагачьем пухе.

Летом 1935 года, побывав на острове Харлов, Белопольский понял, что именно здесь, на небольших и доступных островах Мурмана, должен быть создан «птичий заповедник», природная лаборатория по изучению морских птиц.

В 1937 году, работая в Лапландском заповеднике, Белопольский добился от Комитета по заповедникам согласия на организацию морского заповедника. Весной 1938 года вопрос о заповеднике был решен окончательно.

Под защитой острова сразу тихо. Сзади океан — зеленая равнина, вспаханная мертвой зыбью. С севера, возникающая и пропадая, идут нескончаемые валы; вероятно, сейчас на северном берегу острова кипит прибой и белая, сверкающая на солнце пена опоясывает скалы.

Рыбачья ёла подходит к южному берегу, где сразу за узкой и плоской каменной террасой поднимается отвесный гранитный обрыв.

С обрыва на нас смотрят крупные серебристые чайки.

Так вот он каков — Большой Лицкий!

Перед моим отъездом сюда директор шутливо говорил: — Я вас назначаю губернатором острова, правьте и охраняйте. — И потом уже серьезно: — Островок-то на отлете, смотрите в оба.

Действительно, Малый и Большой Лицкие — самые крайние восточные острова заповедника. С Харлова они виднеются лиловой полоской в океане.

Итак, я, первый сотрудник заповедника, буду, как настоящий Робинзон, совершенно один.

Гранитная стена на берегу замыкается грудой эффективных развалин. Дальше начинается травянистый склон.

— Вот и твоя хибара, — говорит Федор, бородатый капитан ёлы.

На берегу маленького заливики действительно вырисовывается какое-то сооружение. Я искоса поглядываю на Федора, но его выцветшие голубые глаза выражают полное равнодушие. Зато весь перепачканный в мазуте мото-

рист Саша и матрос Тимоша смотрят на меня с любопытством и сочувствием.

Саша даже начинает рассказывать длинную историю про бот «Мираж», который когда-то потерпел здесь, на рифах, бедствие. Но Тимофей уже подтянул следующую за ёлой шлюпку и грузит в нее мои вещи. Не успев дослушать любопытную повесть, я перелезаю через борт ёлы.

Шлюпка причаливает к крутому, заваленному крупными окатанными камнями берегу.

Скользя по камням, мы поднимаемся вверх к домику. Это небольшое сооружение, сколоченное, видимо, наспех много лет тому назад. Здесь нет ни двери, ни оконной рамы, на крыше недостает нескольких досок. Кроме кучи камней, предназначенных исполнять роль очага, внутри ничего нет.

Тимоша подтащил мои вещи.

— Ну, я пойду... Вот, возьми треску, — говорит он.

Несколько крупных рыбин, скромный дар рыбаков, лежат на траве.

— На промысел идете? — спрашиваю я, хотя мне и без того это известно, и вдруг ловлю себя на желании задержать Тимошу, поговорить с ним хотя бы о пустяках.

Я долго слежу, как он спускается вниз, отвязывает шлюпку и затем гребет к своей ёле. Там заводят мотор, голубые колечки дыма вырываются из ржавой трубы.

Взяв шлюпку на буксир, ёла трогается. Федор что-то кричит мне. «Ошкерь рыбу!» разбираю я. Мотор тарахтит уже где-то за мысом. И сразу становится пусто.

Последовав совету Федора, я спускаюсь к морю, чтобы очистить рыбу. В расселине берега — пласт нарастающего снега. Здесь будет мой погреб.

Снова поднимаюсь к избушке. Оглядываюсь. Остров. Береговые камни. На севере — равнина океана, на юге — пролив и крутой берег материка, испещренный пятнами снега.

Я один. Непривычное чувство. Стараясь отогнать его, начинаю быстро приводить в порядок хижину. Заделываю крышу найденной на берегу доской, окно затягиваю простыней. Затем отправляюсь на поиски воды и дров.

Вода дождевая, в гранитных «ваннах» на берегу. В воде много тины, она зеленая, но ни на что другое рассчитывать здесь нельзя.

Дрова дает океан. На берегу валяется достаточное количество плавника.

Пожинав, лежу в своем спальном мешке на полу из-

Маленькая изящная крачка.

бушки, смотрю через дырявую крышу на клочок голубого неба, прислушиваюсь ко всем звукам снаружи. Скрипучие крики крачек, мяукающий вопль поморников... И вдруг рядом, за стеной избушки, громкое: «Кррэ-кэ-кэ! Кррэ-кэ-кэ!..» Точно ломается и скрипит большое дерево. Это брачный крик самца куропатки. «Bla!.. Bla!..» заканчивает он давясь. Не видя птицы, я ясно представляю, как она топчется на одном месте и приседает. Это голос, неожиданный на морском острове, — голос старого тундрового знакомого. Мне сразу становится приятно, и нет уже прежнего гнетущего чувства одиночества.

Утром меня разбудила белая пуночка. Птичка спустилась через дырявую крышу и прыгала по камням очага. Низкое утреннее солнце вызолотило все щели избушки.

Выдался день, редкий для побережья. Это я почувствовал, выглянув наружу. Не было ветра, и в первый раз по настоящему стало тепло. Я взобрался на ближайший пригорок и осмотрелся вокруг.

Океан успокоился. До горизонта раскинулся он, мирный и могучий. Но это не была зеркальная гладь озера. Неви-

димые течения тревожили массу воды, и потому он сверкал серебряной чешуей, влажной чешуей только что вынутой из воды сельди. У самого горизонта, протянув через все небо черные хвосты дыма, шли два лесовоза.

Свое знакомство с фауной острова я начал с колоний крачек на северном берегу. Масса маленьких изящных птиц тучей налетела на меня. Красные носы и лапы, черные шапочки, белые грудки.

Внезапно все крачки, точно их сдуло ветром, умчались к морю и всей стаей расположились на обнаженных отливом камнях. Казалось, они совещались о чем-то, затем поднялись и снова налетели на меня. Кладка у них едва началась. Я разыскал лишь несколько маленьких пестрых яиц, отложенных прямо без подстилки в небольшие ямки на песке или в траве.

Затем, внимательно всматриваясь во все углубления почвы и каменные щели, я пошел вдоль берега на восток.

Первая гага вылетела прямо из-под ног, я чуть не наступил на нее. Бурое ее оперение сливалось с прошлогодней травой.

В гнезде, выстланном обильным дымчатым с жемчужным оттенком гагачьим пухом, лежало пять крупных зеленоватых яиц. Тщательно прикрыв яйца, я отметил гнездо на своей карте, записал в блокноте, сколько в гнезде яиц, пуха, и двинулся дальше. Биосъемка острова началась.

Гаги круглый год обитают в незамерзающих водах Мурмана. Весной большие стаи их держатся у отмелей.

Бурое оперение гаги сливалось с прошлогодней травой.

То и дело доносятся воркующие крики самцов-гагунов: «Агууу! Агууу!..»

В оперении гагуна, как говорят, сочетались все краски дальнего Севера: белизна снегов, чернота прибрежных скал, зеленоватый цвет льда, розово-желтый отблеск зари. Привстав на воде, он показывает свой черный «жилет» и, хлопая крыльями, громко кричит.

В начале июня самка-гага начинает устраивать свое гнездо. Она выстилает лоток выщипанным из груди пухом. В среднем в гнезде двадцать пять граммов пуха.

В мире нет ничего легче и теплее гагачьего пуха. Это незаменимый материал для спальных мешков полярников, для комбинезонов летчиков. Палатка дрейфующей станции «Северный полюс» была утеплена гагачьим пухом.

На севере Норвегии и особенно в Исландии, где морские птицы играют значительную роль в хозяйстве жителей, на гагу издавна обратили серьезное внимание.

Птица эта способна быстро ручнеть. Если человек охраняет и защищает гагу от ее врагов: чаек, поморников, песца — гага охотно селится около человеческого жилища. В Норвегии и Исландии стали устраивать настоящие «гагачьи фермы».

Вот как описывает один путешественник «гагачьи хозяйства» в Исландии:

«Дом человека был настоящее чудо. Окружающие его земляные стены и отверстия окон были заняты гагами; вокруг дома на земле бахромой сидели те же птицы. Мы могли их видеть также на торфяных скатах крыши, а одна гага сидела на скребке у порога. На лужайках, обращенных к морю, дерн был снят квадратными кусками величиной около восемнадцати квадратных дюймов, и каждая из образовавшихся ямок была занята гагами. Этой птицей были наводнены ветряная мельница, все надворные постройки, все бугры, все скалы и трещины. Гаги были повсюду. Многие из них оказались такими ручными, что мы могли гладить их».

Иначе было в царской России. Никто не заботился об охране птицы. На гагу охотились, обирали дочиста пух и яйца. Количество птицы с каждым годом уменьшалось.

Советская власть запретила охоту на гагу. На Новой Земле, где особенно развит гагачий промысел, отдельные гагачьи колонии приписаны к определенным артелям промысловиков.

Но этого недостаточно. Изучить биологию гаги, организовать гагачье хозяйство и затем передать свой опыт се-

Ветер свистел в перьях поморника.

Я махнул рукой, он несколько отклонился от своего первоначального пути, вновь взвился кверху и повторил атаку с другой стороны.

Впрочем, эти нападения были рассчитаны лишь на устрашение. Скоро я перестал обращать на них внимание и продолжал обшаривать берег.

Часть гагачьих гнезд разорена. Около валяются разбитые скорлупы яиц. Кто-то воспользовался отсутствием гаги. На скорлупе хорошо заметны следы клюва. Подсчитав расклеванные яйца и разоренные гнезда, можно сказать, какой вред приносят хищники.

Если ежегодно на острове производить полный подсчет гнезд, это даст много интересного. Число гнезд может и увеличиваться и уменьшаться. Птицы могут гибнуть от недостатка корма, от эпидемий, от врагов. Года бывают хорошие и плохие для птиц.

Вот все это и покажет ежегодный учет. При учете можно выяснить, сколько птица в среднем откладывает яиц, сколько употребляет пуха на выстилку гнезда.

По тому, как расклевано яйцо, можно установить, кто здесь хищничал. Чайка разбивает яйцо на мелкие куски. Поморник делает в скорлупе одно отверстие.

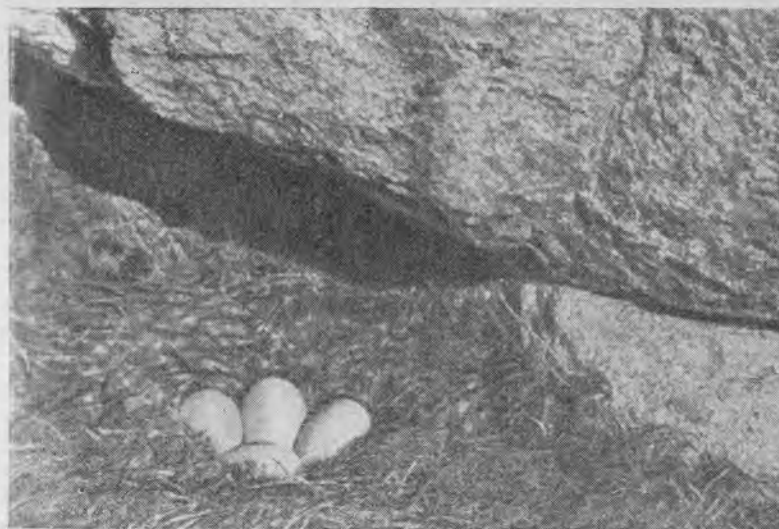
При правильном учете можно наметить несколько гнезд и затем следить, как у гаги идет откладка яиц, когда появятся птенцы.

На скорлупе яйца хорошо заметны следы клюва.

верным промышленникам — одна из задач нашего заповедника.

На куполе острова меня внезапно атаковал поморник; его гнездо находилось где-то поблизости. Ветер свистел в перьях стремительно пролетевшей над моей головой птицы. Поморник взмыл кверху и снова стремительно упал прямо мне в лицо.

Попадались покинутые гнезда гаги.

Я вспомнил опыты, когда птицам клали в гнезда чужие яйца или даже круглые камни — и птицы все равно усердно их насиживали.

Поздно вечером, усталый и довольный, вернулся я к своей хижине, достал треску из «погреба», сварил уху.

Я думал об искусственных гнездах — небольших пещерках на склоне горы. Тут гага найдет защиту от непогоды и от хищников. Тут ее удобно будет и охранять.

Как привлечь гагу к этим гнездам? Биосъемка покажет, какие именно участки острова она предпочитает. На этих участках и следует устраивать искусственные гнезда.

Необходимо организовать борьбу с пернатыми врагами гаги — чайками и поморниками; они очень дорого обходятся нам.

Нужно точно установить, сколько яиц способна отложить гага. Нормальная кладка ее — четыре-пять яиц. Можно ли, отбирая часть яиц во время кладки, добиться увеличения количества откладываемых яиц? Если это так, то тогда можно отобранные яйца подвергнуть инкубации и значительно увеличить число птенцов.

Можно ли птенцов гаги содержать отдельно, или их нужно подпускать к выводкам гаг на воде?

Даже во сне я видел острова, сплошь заселенные гагами, с гнезд которых мы собираем тонны пуха.

За несколькими гнездами я вел систематические наблюдения.

На третий день погода изменилась. Грохотал прибой, шипела галька на берегу. Было сыро и холодно. Пелена тумана заволокла все кругом. Она то приподнималась, показывая угрюмый северный берег, то несколько рассеивалась — и тогда наверху чудились теплые розовые и пунцовые тона, — то снова плотной стеной окружала домик. Это была сырая ощутимая стена; казалось, капли дождя застыли в ней, не успев упасть на землю.

Я попробовал было продолжать работу, но попал под дождь, вымок и быстро вернулся.

Оставалось сидеть в избушке, сушить у очага промокшую одежду и плакать от нестерпимого дыма.

От скуки я стал разбирать вырезанные на закопченных стенах надписи. Это были инициалы и даты, иногда попадались целые фразы: «Жили охотники, промышляли выдер, с 10 марта 1938 года»; «Заборщиков А. И. жил с 15/II 1932 года по 23 сего года (авария)»; «По случаю шторма северной стороны суда были вытянуты на берег»; «Нет хлеба»...

Я вспоминал разбросанные около избушки черепа и кости тюленей. Вспоминал находку на берегу: остатки сожженных бочек, обрывки канатов, люк от трюма...

Так вот она, история избушки — приюта потерпевших кораблекрушение и промышленников морского зверя!

На одной из стен зияло большое неровное углубление, и я сразу представил, как замерзшие, измученные люди пытались развести огонь и вырезали ножом сухие смолистые щепки.

Вот грубое изображение тюленя. Его вырезал в минуту досуга какой-нибудь промышленник.

Избушка была свидетельницей и голодовок и шумных пиршеств после добычливой охоты: трагических и радостных сцен.

Я окончательно расплакался от дыма и выскочил наружу. Дождь еще не перестал. Я ёжился от холода и тоскливо оглядывал безрадостные окрестности. Мачта какого-то судна, мелькнувшая за мысом, заинтересовала и обеспокоила меня. «Браконьеры!» пронеслось в мозгу. Я напялил свою мокрую одежду и, прихватив двустволку, быстро пошел, почти побежал на южный берег.

По склону горы, неясная за сеткой дождя, двигалась темная фигура. Это был человек с ведром.

— Что делаешь? — закричал я, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Яйца утки собираю, — сказал он спокойно.

Действительно, в ведре лежало несколько гагачьих яиц.

Спокойствие взбесило меня, но я сдержался и кратко рассказал ему о заповеднике и о запрещении сбора яиц. Он удивленно смотрел на меня.

— Сколько человек на берегу?

— Шесть человек.

Медлить нельзя. Я вскидываю ружье и дважды стреляю. В напитанной влагой атмосфере выстрелы звучат глухо. Такой звук получается при откупоривании большой пустой бутылки.

На выстрелы медленно собираются люди. Вот они все шесть, удивленные, мокрые, с добычей в узелках, шапках, ведрах.

Мы стоим на каменном берегу около их карбаса. По-прежнему моросит дождь. Люди совещаются на незнакомом языке. Это финны из Ура-губы, команда промыслового бота «Боец». Бот снялся с якоря и крейсирует у берега. Оставшиеся на нем, повидимому, недоумевают, что у нас происходит.

— Мы не знали, что здесь заповедник, — говорит один.

Оказывается, финны каждое лето, идя на промысел в Иокангу, посещают острова.

— Здесь нет столбов с объявлениями.

— Сбор яиц гаги воспрещен везде.

Я вижу, что им не хочется отдавать добычу. Нужны другие меры.

— Собери яйца в одно ведро, — говорю я какому-то парню.

Он повинуется очень неохотно.

И тогда из толпы выступает капитан бота — Хаангайнен. До этого он ничем не выделялся, только бросал какие-то реплики; остальные смеялись. Он низкий, черноволосый, с бегающими глазами.

— Утка еще положит. Утка много положит, — говорит он. — Она двенадцать яиц кладет, а мы взяли четыре, три яйца.

Между прочим, капитан передегивает свой пояс, от чего финский нож, висевший сбоку, переезжает на живот.

— Ты вот ученый, а ничего не знаешь, — продолжает он, — а мы утку знаем. И отцы наши знали, и деды знали.

Парень перестал собирать яйца и теперь вопросительно смотрит на нас.

Я быстро соображаю. Эти собранные яйца теперь уже не представляют для нас особой ценности: значительная часть их насижена. В гнезда подкладывать обратно — бесполезно. Но поддержать престиж заповедника совершенно необходимо.

— А зачем вам «запаренные» яйца? — обращаюсь я к задержанным финнам. — Все равно есть не будете, выбросите.

«Запаренные» — по-местному — насиженные.

— Яйца не запарены, — кричит капитан, — ты ничего не знаешь! Вот смотри!

Он спускается к морю и кладет яйцо в лужу морской воды. Оно тонет. Это местный способ определения свежести яйца.

— Яйцо не запарено! — кричат все.

Я знаю, что этот способ часто неверен. Знаю, что браконьеры брали насиженные кладки: южный берег я обследовал только вчера.

Ну ладно, я вам покажу!

Вынув из лужи яйцо, я швыряю его о камень, беру из ведра и бросаю второе и третье. Желток яиц мутный; ярко

алеют нити кровеносных сосудов. Это жизнь, уничтоженная в своем зачатке.

Через полчаса в избушке я составил протокол на ведро отобранных яиц.

Почти весь июль я провел на острове Харлов.

Приказом по заповеднику я был назначен заместителем директора.

Сам директор то и дело уезжал в Териберку и Мурманск хлопотать о покупке бота. Покупка бота причинила нам много огорчений: то он задержался в ремонте, то проходил регистрационные испытания в Мурманске. Мы теряли надежду увидеть бот в этом году.

Наша палатка.

Впрочем, как только позволяли дела, директор стремился в свой заповедник.

Вместе с ним я обследовал труднодоступные колонии бакланов на Харлове. Длинноносые бакланы — сравнительно недавние гости на острове. Одна пара их появилась здесь лет семь назад. С каждым годом количество их все увеличивалось и теперь достигло сорока пар. На базарах северного берега они начинают даже вытеснять кайр.

Бакланы гнездятся в каменных нагромождениях и в расщелинах скал. Их гнездовья можно достигнуть, лишь спустившись на веревке, а в узкие расщелины иногда и вообще нельзя проникнуть. Мы не раз находили упавших и разбившихся птенцов. А однажды мы нашли и взрослого баклана, застрявшего в очень узкой расщелине. Птица еще дышала, глаза ее были затянуты кровавой пленкой, слабо трепетало вытянутое крыло. Мы освободили пленника.

В один из приездов Льва Осиповича мы отправились на Большой Зеленец — остров тупиков. Тихой ночью, дождавшись отлива, мы благополучно добрались туда на «Чистике» и, оставив его в крохотной бухточке на южном берегу, поднялись на купол острова. Около маленького озера мы нашли хорошо заметную в примятой густой траве тропу.

— Это, конечно, выдра, — сказал Лев Осипович: — она заплывает сюда с материка.

Растерзанные трупы тупиков около озера показывали, что именно привлекает выдру. Тупики изрыли торфяниковую почву Большого Зеленеца. Всюду чернеют отверстия их нор. Порой число подземных ходов так велико, что почва проминается под ногами и птицы, сидящие внутри, медовольно ворчат.

Всюду чернели отверстия нор тупиков.

Мы называли эту чайку «маринус».

Мы занялись подсчетом нор.

Тупики большой стаей плавали у берега, то и дело ныряли, появляясь с рыбой в клюве. Со свистом разрезая воздух, точно пернатая бомба, тупик с добычей стремительно летел к берегу и, не замедляя полета, нырял в отверстие норы. Над стаей рыболовов кружились несколько поморников: они преследовали тупиков с добычей, стараясь отнять рыбку. Часто тупик бросал рыбку, и она доставалась крылатому разбойнику.

Покончив с подсчетом, мы решили раскопать несколько нор.

— Берегитесь их клюва! — предупреждал Лев Осипович. — Они хватают, как клещами.

Массивный клюв и сильные когти на лапах служат тупику для рытья нор.

В глубине норы находились смешные птенцы тупика, одетые в дымчатый пуховый наряд.

Солнечный свет ошеломлял этих маленьких отшельников. Расставив ноги и растопырив крылья, птенец застыл на месте. Надев на ногу птенца алюминиевое колечко, мы сажали его обратно, прикрывая нору пластинами торфа.

Провозившись довольно долго, мы прозевали прилив и вынуждены были ехать снова в отлив, теперь уже против течения.

Близ Харлова задул встречный ветер. Долго мы выгребали против течения. Порой шлюпка почти не двигалась вперед. Волны бились о нос «Чистика», обдавая нас солеными брызгами.

Наконец мы попали в береговое попутное течение и благополучно высадились. После напряженной работы все тело нестерпимо ломило, а ладони покрылись кровавыми пузырями.

В июне на озерах Харлова появились первые выводки гаги.

Гаги — очень заботливые мамы. Часто несколько

выводков сбиваются вместе и двигаются под охраной взрослых птиц, призывающих птенцов тихим: «Ко-ко... урр!..»

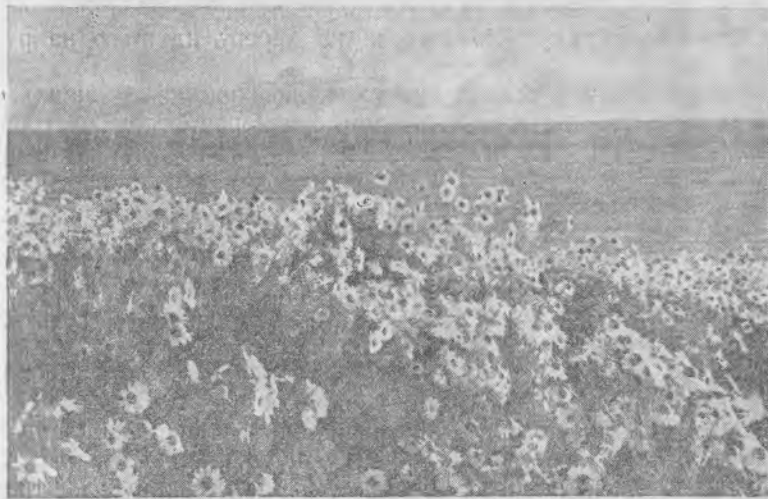
Гаги, гнездящиеся на морском берегу, спускаются со своими выводками в море. Крошечные птенцы-пуховички не отстают от своей матери, то быстро скользят по склонам волн, то ныряют под пенный гребень.

Но как птенцов кайр и моевок на базарах подстерегает серебристая чайка, так и гагачат часто преследует громадная чернокрылая морская чайка. Мы, работники заповедника, сокращая ее латинское название «Лярус маринус», звали ее «маринус».

Желтый с красным пятном, напоминающий ножницы клюв «маринуса» захватывает гагачонка, и чайка без труда проглатывает его. Часто мы наблюдали этих хищников, описывающих круги над гагачьими выводками.

В июле острова пестреют цветами. Все базары, точно белым бордюром, окаймлены буйной порослью ромашек. На южном берегу в укрытых местах цветет желтая купальница и лиловая герань. Синие колокольчики выглядывают из каменных расселин. Отцвели белые цветы морошки, и повсюду зреют крупные душистые ягоды.

К концу месяца, когда большинство гаг вывело птенцов и спустилось в воду, я снял Колова с Вишняка, и вместе

Все базары окаймлены буйной порослью ромашек.

Синие колокольчики
выглядывают из расщелин.

— За яйцами приехали? — осведомлялся он. — Ну, я так и думал. — И Коля пространно рассказывал новопривышшим о заповеднике.

На побережье ходили всякие анекдоты об этом добровольном Робинзоне. Рыбаки, промышлявшие около Вишняка, будто бы слышали с острова таинственные голоса: «Мне скучно, скучно!» Видели на берегу идущего на руках человека.

Впрочем, все это выдумки. Приезжая на Вишняк, я всегда заставал Колю в бодром, жизнерадостном настроении. Из найденных на берегу «даров океана» он организовал целое хозяйство. Тут были ящики из-под консервов, бутылки, спасательный пробковый пояс и оленья нарта.

Он исходил свой гористый, изрезанный узкими ущельями необитаемый остров вдоль и поперек.

За восточным мысом острова были лежки тюленей. Животные занимали три обнаженных отливом маленьких островка. Их было много, более пятидесяти. Лежали они вповалку. Крайним нехватало места на камнях, и их туловища подкидывала набегаящая волна.

Однажды в ясный солнечный день Коля сделал в глубокой бухте на северном берегу неожиданное открытие. Был отлив. Коля лазил по обнаженному цоколю гранитного утеса и собирал между фукусами раковины моллюсков (между делом он решил составить себе коллекцию). Не-

с ним мы обследовали грандиозный базар острова Кувшин. Вернувшись на Харлов, стали готовиться к очередной кампании — кольцеванию птенцов.

Коля Колов прожил на необитаемом острове более месяца. Резиденцией его была маленькая прорезиненная палатка. Она находилась в районе единственной удобной для высадки бухты, и браконьеры не могли при высадке миновать этот импровизированный «кордон».

Стоило лишь карбасу какого-нибудь промыслового бота ткнуться в крупные камни бухты, как и Коля появлялся тут же.

вольно он заглянул в глубину бухты, туда, где в матово-зеленых толщах воды колебался лес бурых ламинарий. Внезапно между подводными стеблями этих водорослей мелькнули какие-то иные, четкие контуры. Бросив моллюсков, Коля напряженно вглядывался вниз. Скоро он рассмотрел задранный вверх нос крупного судна, бугшприт, иллюминаторы, сломанные поручни. Борт судна круто уходил вниз.

Потом мы выяснили, что около острова когда-то потерпел аварию норвежский лесовоз.

Коля провел подсчет гнездящихся на острове птиц, составил карту распределения гнезд.

Много времени он уделял гагам. Следил за откладкой яиц на опытных гнездах. Оказалось, что у гаги каждое новое яйцо появляется через двенадцать-четырнадцать часов. Потому они и насиживаются одновременно и птенцы появляются из яиц все сразу.

Многие стороны биологии птиц можно выяснить, производя регулярные кольцевания взрослых и птенцов.

Снятое с ноги убитой птицы алюминиевое колечко может ответить на очень много не разрешенных до сих пор вопросов: где зимуют наши птицы, как долго они живут, и на ряд других.

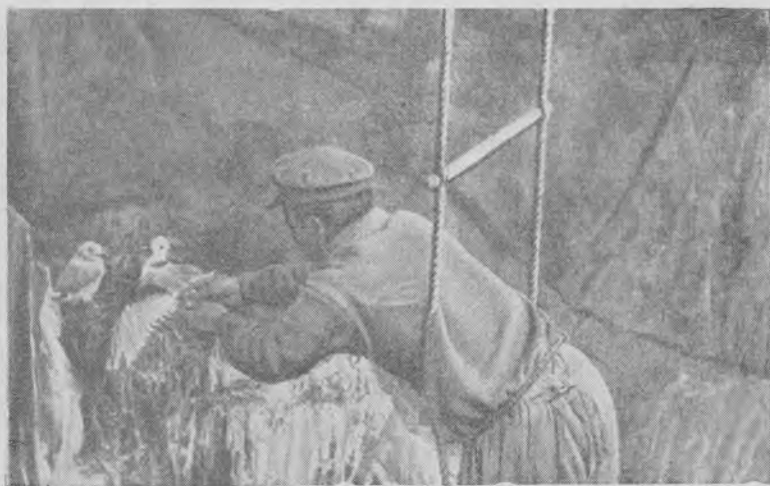
По плану 1938 года, мы собирались окольцевать тысячу птиц. Когда птенцы кайр и моевок достаточно подросли, мы приступили к кольцеванию на базарах.

В один прекрасный день Коля, Иван — рабочий из Харловки — и я стояли на краю «последнего» базара.

Иван, в прошлом опытный «яичник», хорошо знающий каждый уступ базара, находит надежный «якорь» — выступающую гранитную глыбу, привязывает к ней канат и наш юзовый шторм-трап — веревочную лестницу. Мы разверты-

Надев на шею, словно ожерелье, связку алюминиевых колец, приступаем к кольцеванию.

Коля берет птенцов одного за другим и надевает на ногу кольцо.

ваем шторм-трап и осторожно спускаем его вниз. Коля рвется скорее испытать его прочность.

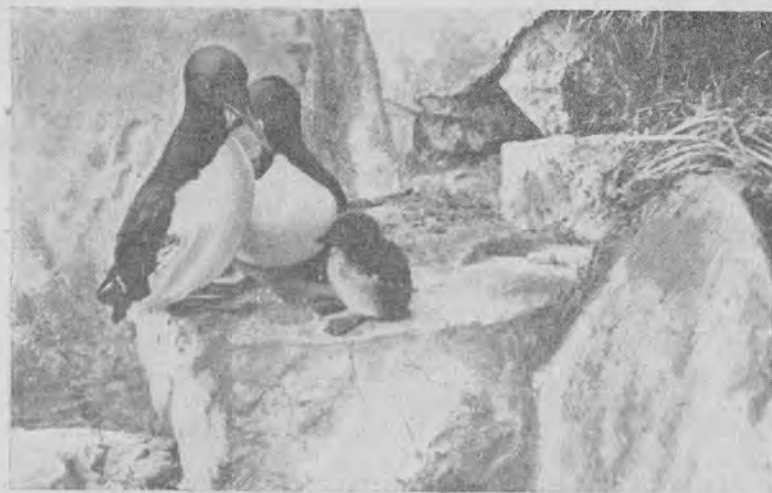
— Обвяжись веревкой, — советую я.

Но Коля только отмахивается. Недаром он носит значок альпиниста.

Надев на шею, словно ожерелье, связку алюминиевых колец, он начинает спускаться. Я наблюдаю за ним. Вот он поровнялся с гнездом моевок. Несколько птенцов испуганно прижались к своим плоским гнездам. Коля берет их одного за другим, надевает на ногу кольцо и слегка сдавливает его края. На кольце — название кольцующей организации: «БЮН, Москва» и номер. Птенцы стараются ущипнуть руку своими слабыми клювами. Некоторые в испуге отрывают перереваренную пищу.

Коля спускается еще ниже, на большой карниз к кайрам. Масса птенцов — смешных созданий с грубым, напоминающим волосы пухом, с большими перепончатыми лапами — сбивается в кучу. Несколько взрослых кайр с протестующим «Арра!.. Арра!..» пытаются защитить своих птенцов и долго, махая крыльями, балансируют на краю карниза. Придерживаясь за шторм-трап, Коля медленно передвигается по карнизу и ловит одного за другим пищущих, часто вывалившихся в грязи птенцов.

Я тем временем беру длинный шест с легкой, упругой петлей на конце и, укрепившись на краю базара, начинаю

Семейство кайр.

«выуживать» взрослых кайр. Вот петля перед самым носом птицы. Она недовольно отводит голову, иногда клюет петлю; хрипло кричит. Петля надета на шею. Быстрый рывок — и бестолково махающая крыльями кайра повисает в воздухе. Я поднимаю ее наверх, освобождаю от петли, надеваю кольцо и отпускаю. Птица, помогая себе крыльями, неуклюже бежит по земле и, добравшись до края обрыва, кувырком валится вниз.

Впрочем, очень скоро окольцованная кайра вновь возвращается на свой гнездовой карниз. Мне приходилось ловить одну и ту же птицу по два, по три раза.

Покончив с одним карнизом, перехожу на другой и мимоходом заглядываю к Коле. Он окольцевал всех своих кайрат и, держась за лестницу, осторожно идет по карнизу, становится на перекладину.

Но тут происходит нечто непредвиденное.

Под тяжестью человека упругий шторм-трап внезапно перевертывается и выбивает одной из перекладин старое гнездо моевки. Гнездо падает, увлекает за собой другие гнезда, птенцов, увесистый камень.

Я не успеваю крикнуть, как вся эта масса обрушивается на Колю. Коля падает на карниз, ноги его, задержавшись на перекладине, повисают над бездной, плечи и голова — на уступе. Руки цепляются за веревку. Ниже — сорокаметровый обрыв и тускло блестящая поверхность воды.

* Коля весь как-то обмяк и не шевелится. Отвратительное чувство беспомощности. Мельком я вижу бледное лицо Ивана. «Что делать? Бросить Коле веревку? Лезть вниз помочь? Успею ли?» вихрем проносится в мозгу.

Но Коля подтягивается за веревку, садится на карниз. Он протирает засыпанные землей глаза, криво улыбается. Показывает свою фуражку, по краю которой камень пробороздил заметную черту.

Мы, наверху, облегченно переглядываемся.

— Возьми обвяжись, лучше дело будет! — и Иван кидает Коле конец веревки.

Коля на этот раз не протестует.

...После работы, усталые и довольные, мы идем домой.

Триста окольцованных птенцов! Еще два-три дня — и мы выполним план.

На южном берегу острова нас поджидает наш серебряный дом. Под ветром аэростатная оболочка надувается и хлопает.

Скоро, когда кайрята подрастут и сменят свой пуховый наряд на перо, они начнут покидать свои гнездовые площадки.

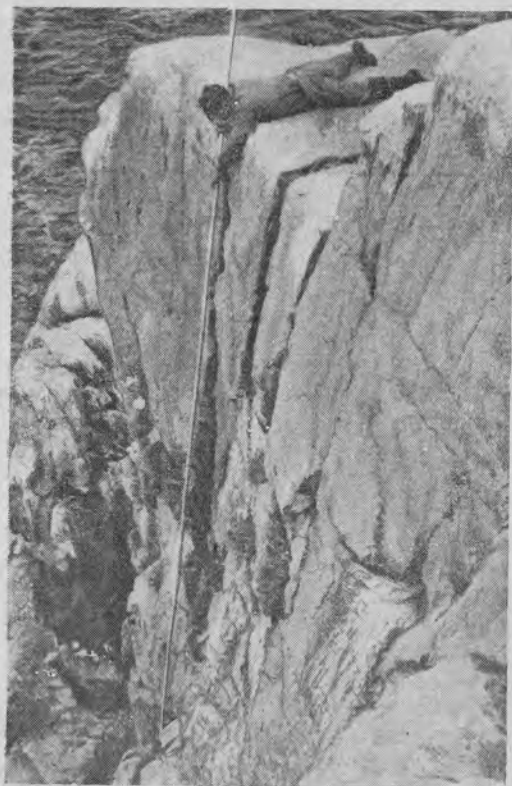
Спуск птенцов на воду — замечательно интересное зрелище. Побуждаемый криками родителей, птенец нерешительно стоит на краю карниза. Наконец он решается. Расправив свои короткие крылышки и большие перепончатые лапы, птенец планирует на воду или на камень. Спуск с высоты двадцати-тридцати метров обычно обходится благополучно.

Попав в море, птенец сразу осваивается с новой стихией и плывет навстречу своим родителям. «Арра!.. Арра!..» приветствуют они птенца. «Филлиииип!.. Филлиииип!..» звонко отвечает птенец. Все семейство отплывает в открытое море.

Где зимуют наши кайры, пока неизвестно: возвращенных колец заповедник еще не имеет. Может быть, они держатся в незамерзающих водах Мурмана; может быть, отплывают на север, к пловучим льдам.

О моевках мы знаем больше: птиц с нашими кольцами находили на севере Норвегии и даже у берегов Исландии и Ньюфаундленда.

Я просыпаюсь. Лежу на койке в палатке и соображаю, сколько сейчас времени.

Длинным шестом я начинаю выуживать взрослых кайр.

Изнанка аэростатной оболочки красная, и потому в палатке всегда красный полумрак.

Коля уже встал.

Я слышу, как он снаружи разводит примус. Потом его что-то привлекает, и я слышу, как он поспешно взбирается на скалу.

— Сюда, скорей сюда! — кричит он.

Не понимая, в чем дело, я вскакиваю с койки, выбегаю из палатки и лезу к нему.

Двухмачтовый зеленый бот входит в нашу бухту. Четыре белых буквы «Гага» четко выделяются на борту.

Ревет сирена. Бот идет вдоль берега, и мы видим всю

Окольцованный птенец серебрястой чайки.

Мы смеемся. Не по воде же нам бежать! Но, честное слово, будь я на месте директора, от полноты чувств я кричал бы так же.

Теперь мы полные хозяева в своих водах.

В сумерках августовской ночи я зажигаю в палатке «Летучую мышь» и, присев у стола, подсчитываю первые результаты биосъемки.

В заповеднике 617 гагачьих гнезд. Около 11 500 кайр, 12 500 моевок, 3500—4000 серебристых чаек.

Я думаю о своих записях и наблюдениях. О том, что мне удалось выяснить. Об особенностях этого года.

Наши наблюдения показали, что этот год для птиц выдался не совсем обычный. Мы столкнулись с явлениями некладки и пониженной кладки.

Так, у чаек моевок, которые в другие годы откладывают три-четыре яйца, в этом году мы находили в гнездах обычно не более двух яиц. У многих сизых чаек вообще не было кладок.

Рыбаки на побережье жаловались на небольшой улов рыбы. Ёлы часто возвращались с промысла полупустыми.

Таким образом, ясно намечалась связь птиц ихтиофагов¹ с подходом рыбы к берегу.

У гаги, питающейся, в основном, донными моллюсками, понижения кладки не было.

Намечались и другие связи: с берега материка птицы приносили леммингов, вытесняли друг друга из гнездовых, хищничали, похищали яйца.

Птичье сообщничество — орнитоценоз, как говорят ученые, — все время подвижно. Все члены его связаны между

его команду. Из трюма выглядывает чумазый моторист. Вот в рубке молодой парень, должно быть капитан, а вон мальчишка юнга.

Лев Осипович на носу, в своем коричневом рокане. Он оживленно машет нам рукой, затем хватает блестящий рупор, и ветер доносит глухой голос:

— Давайте сюда!

собой бесчисленными нитями. Некоторые из этих нитей уже ясно намечились, и теперь очень увлекательно распутывать их все дальше и дальше.

Лев Осипович сидит тут же, составляет смету на 1939 год. Щелкает счетами.

— Не удалось мне как следует поработать в этом году, — говорит он, точно размышляя вслух. — Какая же это работа? Разъезды, командировки, сметы. Я и директор, и бухгалтер, и завхоз. Какая уж тут научная работа!

Снова щелкают счеты:

— Матрацы... Микроскоп... Библиотека... Но самое главное сделано. Фундамент заложен, — снова говорит он. — Теперь мы знаем, что у нас есть. В будущем году построим дома, организуем инкубацию гагачьих яиц, охрану выводков.

Я отрываюсь от своей работы, и мы, забыв о цифрах и сметах, начинаем толковать о борьбе с хищными чайками, об искусственных гагачьих гнездах, о связи чаек с косяками промысловых рыб, обо всем, что еще нужно сделать.

Ветер бушует за тонкими стенами палатки. Крыша вздувается и оглушительно хлопает, и где-то вверху хрипло кричат невидимые морские чайки.

¹ Ихтиофаги — питающиеся рыбой.

Ребята! Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Укажите свой адрес, имя, фамилию и возраст.

Наш адрес: Москва 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Детиздат, Массовый отдел.

ОБЛОЖКА Н. ШИШЛОВСКОГО

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Е. Коваленко*. Худож. редактор *И. Иванов*. Технич. редактор *Р. Кравцова*. Корректоры *Р. Гранова* и *Е. Балабан*. Подписано в печать с матриц 4/XI 1940 г. Детиздат № 2352. Индекс Д-7. Формат 84×108^{1/32}. 3¹/₄ печ. л. (2,7 уч.-изд. л.). 38160 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз. А33068.
Заказ № 1206.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушеvский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена по адресу: Москва 18, Сушеvский вал, дом № 49, Фабрика детской книги.
Телефон К 5-08-50.

Цена 75 коп.